

изведения искусства. Простите мне это маленькое отступление, но оно было необходимо, чтобы сказать: ни у кого из актеров я, пожалуй, не встречал такого единства, такого органического соединения этих двух начал, как у Евстигнеева.

И вот я сел за стол, взял ручку... и выяснил, что ничего о Евстигнееве не могу написать. Наблюдал, как он учился, работали потом вместе, не раз и не два видел его в кино и на сцене — и ничего о нем не знаю толком. Пришлось отправиться к нему и предложить:

— Начнем с самого начала. О «начале пути», как принято говорить, я уже написал.

ЕВГЕНИЙ ЕВСТИГНЕЕВ

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

— И на чем же остановился?

— На окончании студии...
— А, понятно. Ну, тогда «Современник». Я был принят в МХАТ в 1956 году. Но жизнь складывалась как-то так, что роли не получал... Все эпизоды, народные сцены... И в то же время группа молодых артистов во главе с О. Ефремовым по ночам по собственной инициативе начала работать над пьесой В. Розова «Вечно живые». Репетировали в помещении школы-студии, там же, где раньше учились. Спектакль сделали, показали общественности Москвы, понравился, одобрили нас... Из этого коллектива была создана сначала студия молодых артистов, превратившаяся потом в театр «Современник». Конечно, решающая роль во всем этом событии принадлежала О. Н. Ефремову, его воле и творческим устремлениям. Впрочем, создание театра, подобного «Современнику», было веянием времени. Уверен: не мы, то сделали бы другие. Потом «Современник» вырос, окреп. Сказал свое собственное слово в искусстве. Стал фактом, и фактом весомым, в художественной жизни не только Москвы, но и всей нашей страны. Ушел я оттуда с болью.

— А чем объясняется ваш переход в МХАТ?

— Ну, во-первых, — это не совсем до конца «уход». Частично это «возвращение». Я ведь окончил студию, работал в МХАТе... Но главным образом я ушел вместе с Ефремовым, вернее, вслед за ним. Он мой друг в жизни, единомышленник в искусстве. Мы должны были вместе.

— Значит ли это, что работать в театре можно только с друзьями? Взаимоотношения с людьми — дело сложное, нельзя же относиться ко всем одинаково! Мешает ли процессу работы, если к одному партнеру относишься лучше, к другому — хуже?

— Ответ прост и стоит в основе принципов актерского мастерства. Для актеров, исповедующих принципы системы Станиславского, искусство прежде всего — дело коллективное. И это оказывает на нас огромное воспитующее значение. Если ты стремишься к искусству перевоплощения, стараешься воспроизвести на сцене «жизнь человеческого духа», как говорил Пушкин, то для тебя главным становится не то, как ты относишься в жизни к тому или иному человеку. Главное, чтобы вы стояли на одной творческой платформе. Метод физических действий, являющийся

последним великим открытием К. С. Станиславского, таким образом регулирует нас в процессе работы, что нам уже нет дела до наших бытовых взаимоотношений. Расхождение между нами могут возникнуть только чисто творческие, методологические. Если партнер живой — какое мне дело, как ты ко мне относишься в жизни. Важно, чтобы мы делали одно общее дело... А вообще-то меня всегда почему-то окружают хорошие люди. Может быть, я не ищу плохих? Мне кажется, если человек ищет вокруг себя плохих — значит, он сам не очень хороший. А хороших людей много. А заветы К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко ставят перед нами такие

грандиозные задачи!.. Тут и ансамбль, и тончайшие связи между тобой и жизнью, жизнью и тобой, связи с партнерами... тут и фантазия, и, словом, все компоненты системы... А связь и ощущение времени?! И твое личное гражданское отношение к жизни, к твоей стране?! Наша профессия очень трудная, очень! Если к ней серьезно относиться. А если нет — значит, ты мелкий ремесленник. Где бы ты ни работал, — в «Современнике» ли, в МХАТе, снимаешься ли ты в кино, — все время надо проверять себя, следить за эстетическими критериями своего «я» — не износились ли они, не потрепались ли, не живешь ли ты старым багажом, вчерашним днем. Тут не отлаешься громкими словами! Вышел на сцену, и всем ясно, что ты собой, помимо слов, представляешь! Художник ли ты, гражданин ли, богат ли этими связями, о которых я уже говорил и которые — первооснова нашего тонкого искусства. У нас так: если у тебя все стало хорошо, если ты успокоился, — значит, ты остановился.

— А какие роли приятней играть? Каких героев — положительных или отрицательных?

— Хочется играть не «положительного» или «отрица-

тельного», а тогда, когда есть жизненная проблема, и такая проблема, которая найдет отклик в зрительном зале. Чтобы в том, что ты делаешь, зрители были поражены знакомой неожиданностью того, что ты сделаешь. А положительный этот образ или отрицательный — вопрос вторичный. Люблю играть в пьесах тех драматургов, которые ищут человека «изнутри», — тогда появляется диалектика человеческой души, нет «дырок» в развитии. Ведь бывает, что писателя ведет его мысль, а не логика развития образа. Если писатель следит за логикой «духа», образ начинает жить как бы самостоятельно и не дает ему врать.

— Евгений Александрович, много ролей сыграно в театре, много в кино...

— Да уж, что-то около семидесяти...

— Кем вы себя считаете? Актером театра или кино?

— Конечно, театра. В театре я родился, в театре сформировался. Но сниматься в кино люблю и считаю, что для актера театра это необходимо. Расширяет кругозор, узнаешь многих интересных людей. Кроме того, сам вид искусства имеет игровую специфику. Нет зала, только камера. В театре зритель тебя стимулирует, он живой, он дышит, откликается. В кино этого нет. Что делать? И приходится организовывать зал себе самому. Я стараюсь вовлечь в процесс съемки всех, кто находится на съемочной площадке, в павильоне. Не могу работать, если нет трех компонентов: меня, партнера и зрителя. Вовлекаю всех — осветителей, операторов, гримеров, и если во время комедийной сцены режиссер начинает возмущаться, что они своим смехом мешают работать, я спокоен: сцена получается. Мне эти люди необходимы — через них я общаюсь со зрителем, который придет в зрительный зал через год. Тогда он поймет, что год назад мы были вместе.

— Сколько времени продолжается ваш рабочий день?

— Мой лично в среднем от 10 утра до 11 вечера. Утром — репетиция в театре. Потом съемки с 3 часов до 11, а если есть вечерний спектакль, то съемки длятся до 6, а с 7 до 10.30 — спектакль. Понятно, это не всегда, но когда снимаешься или репетируешь новую роль в театре — дни адовые.

А когда же читать, общаться

с людьми? Приходится быть диспетчером своего времени. Надо и с ребенком погулять, и не мне вам говорить, что и жена требует определенного внимания. Кстати, роли тоже готовятся не в кабинете, которого у меня и нет. Работаете непрерывно. Этот процесс никогда тебя не отпускает, идешь ли ты по улице, едешь ли в троллейбусе. Надо сыграть так, чтобы самому не было стыдно, а когда и как ты успел — это никого не касается. Мой рабочий день — мое личное дело. В искусстве вообще дни — понедельник, и очень мало воскресений.

— Что можно сказать о планах на дальнейшее?

— Все знают: лучшие роли несыгранные. Трудно говорить о планах, в театре это понятие тесно связано с временем, с каждым днем. Сейчас я репетирую в новом спектакле МХАТа «Варвары». Постановщик — О. Н. Ефремов, режиссеры — режиссеры-стажеры М. А. Горюнов и В. Т. Кашпур. Снимаюсь в кино в двух фильмах у Эльдара Рызанова, вместе с Юрием Никулиным в фильме «Старик-разбойник» и у режиссера Лиозновой в фильме «Семнадцать мгновений весны». Но главное для меня сейчас, если говорить о внутреннем состоянии, — не забывать, что мы ученики и наследники великих К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, быть активным союзником программы, выдвинутой О. Н. Ефремовым, с которой и ради которой он пришел в Художественный театр, приносит конкретную пользу в этом деле, всегда помнить, что сила наших учителей в искусстве заключалась в том, что во всем и всегда они были реформаторами...

Кончатся вопросы, но не кончается беседа. Жадное желание — знать, аппетит к жизни, заинтересованное, личное отношение к театру, к искусству, ко всему, что происходит на нашей земле, — вот что определяет облик, душевный строй моего собеседника. Уже пять часов, скоро утро. А в десять часов мы встречаемся там, где по вечерам, взявшись под ручки, хорошево гуляет, поглядывает на фотографии актеров, что по стенам, публика, там, где днем совершается самое главное в театре — репетиция.

Беседу вел
О. ГЕРАСИМОВ.